

К ЭТИМОЛОГИИ СУБСТАНТИВОВ *БОТВА* И *БОТЯН* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О. И. Солодка

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
ул. Советская, 108, 246019, г. Гомель, Беларусь, solodkaja.oksana@yandex.by

На основе семантического, словообразовательного и этимологического анализа выявлена внутренняя форма субстантивов *ботва*, *ботян*, выдвинуто предположение о происхождении согласного *-в-* в существительном *ботва*; обосновывается родство существительных *ботва* и *ботян*; приводятся основания генетической близости праславянских глаголов **botati*, **botěti*, **byti*, выступающих в качестве производящих для рассматриваемых субстантивов.

Ключевые слова: словообразовательная структура; словообразовательный формант; семантическое поле; производное слово.

На синхронном срезе русского языка в словообразовательное гнездо с исходным словом *ботва* 'листья и стебли корнеплодов (свёклы, репы, моркови, картофеля и т. п.)' входит всего два существительных, образованных суффиксальным способом: *ботвинья* 'холодное, обычно рыбное, кушанье на квасу с вареными травами (щавелем и др.), ботвою свёклы и мелко искрошенными овощами (огурцами, луком)' и *ботвинник* 'зелень, годная для ботвиньи' [1, с. 592]. В родственных славянских языках соотносительные существительные употребляются с близкими или тождественными русским словам значениями: бел. *бацвінне* 'листья и стебли свёклы', 'блюдо, сваренное из свекольных листьев и стеблей' [2, с. 107]; укр. *ботвиння* (собр.), *ботвина* 'стебли и листья корнеплодных растений' [3]; польск. *botwina*, *boćwina* 'молодые листья и стебли красной свёклы', 'суп из молодой свёклы', 'свёкла с несъедобным корнем, выращиваемая ради ее листьев' [4; 5]; сербохорв. *bàtva* 'стебель цветка, растения, ботва', *bàtvo* 'стебель, ботва'; словен. *bêtva*, *bêtvo*, *bitvo*, *bitèv* 'стебель, ствол' [6, вып. 3, с. 142; 7, с. 200].

Материал русских говоров расширяет семантическое поле субстантива *ботва*: 'стебли и листья свёклы, картофеля и некоторых других овощей', 'стебли и листья корнеплодов, пока они зелены'; 'свёкла'; 'брюква'; 'холодный суп из свёклы с огурцами и луком; свекольник'; 'мякина'; 'о полном человеке, толстяке', 'о полной, толстой женщине'; 'о чванливом, спесивом человеке'; 'о хвастливом человеке', 'о хвастливой женщине' [8, вып. 3, с. 133]. Свердловским говорам известны субстантивы *ботво*, *ботево* в значении 'ботва картофеля' [8, вып. 3, с. 135]. Русским диалектам известен ряд производных от рассматриваемого имени существительного лексических

единиц. Большинство производных имеют синонимичные значения, как, например, *ботвинье*, *ботвин*, *ботвинь*, *ботвина*, *ботвинина*, *ботвинка*, *ботвинница*, *ботовка*, *ботовник* [8, вып. 3, с. 133–134, 137].

Некоторые субстантивы, образованные от рассматриваемого *ботва*, развивают метонимические значения блюда, изготовленного из растения, а также места; метафорические значения, связанные с характеристикой человека: *ботвенник*, *ботвинник* ‘стебли и листья свёклы, других овощей, пригодные для приготовления ботвиньи’, ‘окрошка, холодный борщ’, ‘любитель чужих обедов’, ‘скряга’; *ботвенья*, *ботвинья* ‘ботва’, ‘стебли и листья картофеля’, ‘свёкла’, ‘квас из свёклы’, ‘распаренные отруби с дрожжами’, ‘место на реке, озере, поросшее водорослями, густой травой’, *ботвила* ‘о полном, толстом человеке’, ‘о полной, толстой женщине’, ‘о хвастливом человеке’ [8, вып. 3, с. 133–134].

Мнения исследователей относительно праформы приведенных выше славянских рефлексов разделились. Так, составители «Этимологического словаря славянских языков» (далее – ЭССЯ) реконструируют в качестве исходного праславянский субстантив **bъtva*, который рассматривается как суффиксальное расширение основы **bъ-t-*, представленной в существительном **bъtь* [6, вып. 3, с. 142]. Ф. Славский, П. Я. Черных, С. Б. Бернштейн, составители «Этимологичного словника української мови» полагают, что праформой является субстантив **bъty*. Согласный *v* в существительном *ботва* появляется в связи с выравниванием основы по формам косвенных падежей: им. п. **bъty* – род. п. **bъtъve*, дат. п. **bъtъvi*.

Выявленный языковой материал подтверждает, что *ботва* восходит к **bъty*: во владимирских, яролавских и барнаульских говорах распространено имя существительное *ботовь* ‘ботва’, финаль которого указывает на исконный тематический гласный основы **-y < *-ī* (как и в парах типа *клюква – клюковь* (диал.), *морква* (диал.) – *морковь*, *любава* (диал.) – *любовь* и др.). Таким образом, согласный *v* субстантива *ботва* – результат фонетических преобразований, вызванных взаимодействием тематического гласного основы **-y < *-ī* и окончаний существительного в косвенных падежах. Появление *v < v* обусловлено природой индоевропейского **u*, согласной формой которого являлся сонант **u → *w*, который в славянских языках перешел в губно-зубной спирант *v* [9, с. 32].

Праславянское **bъty* (> русск. *ботва*) традиционно возводят к индоевропейскому корню **bheu-* (**by-ti*), имеющему значение ‘быть, становиться; расти’ [10; см. также: 11, с. 466; 6, вып. 3, с. 142; 12, с. 328; 13, с. 238; 14, с. 105]. Исследователи полагают, что корень **bheu-* следует выделять и в глаголе **botēti* > русск. диал. *ботеть 1* ‘толстеть, полнеть, жиреть’, ‘сильно быстро расти’, ‘напитываться жидкостью, разбухать’, *ботеть 2* ‘богатеть’

[8, вып. 3, с. 135], на что указывает не только фонетическая связь, но и семантическая близость.

Ф. Славский говорит о родстве праславянского **botěti* (**botvěti*) и **botati* > русск. диал. *бóтать 1* 'ударять, хлопать по воде ботом, загоняя рыбу в сеть', 'стучать, ударять во что-либо или чем-нибудь', 'наносить удары, бить, колотить', 'качать, болтать (ногами, руками)', 'сбивать масло', 'приготавливать тесто', 'звонить колокольчиком (боталом)', 'звонить в колокол', 'говорить ерунду, болтать, врать' (переносное значение), 'говорить неразборчиво, непонятно (переносное значение)', 'усиленно работать; резать, рвать; бить', 'жадно, быстро есть что-либо', 'качнуть, толкнуть', 'упасть', 'разыскивать' [8, вып. 3, с. 132]. Русским говорам известен омонимичный глагол *ботать 2*, употребляющийся в значении 'выдалбливать бот (лодку) из дерева' [8, вып. 3, с. 132]. Квалификация *ботать 1* и *ботать 2* как омонимов вызывает сомнения, т. к. данные глаголы имеют общую сему, отражающую совершение беспорядочных нерегулярных движений на одном месте или в пределах ограниченного пространства в разные стороны (например 'жадно, быстро есть', 'разыскивать', 'усиленно работать; резать, рвать; бить', а также 'говорить ерунду, болтать, врать' и т.п.) или мерных однообразных движений из стороны в сторону или сверху вниз ('качать, болтать (ногами, руками)', 'сбивать масло', 'звонить в колокол' и под.). Л. Г. Бабенко относит подобные лексические единицы к группе глаголов беспорядочного, вращательного и колебательного движения [15, с. 67].

Праславянский глагол **botati* рассматривается исследователями как вариант глагола оноματοпоэтической природы **batati* > русск. диал. *батать* 'бить по воде багром и батаухой, для того чтобы испугать рыбу и загнать ее в сети', 'искать, бегая' [8, вып. 2, с. 142; 6, вып. 2, с. 224].

Ф. Славский рассматривает значение 'разлагаться, гнить', свойственное старопольскому глаголу *botwieć*, как развивающееся из 'надуваться, раздуваться, взбухать', – подобные значения, как отмечает лингвист, часто связаны со звукоподражанием (т. е. польский этимолог также отмечает оноματοпоэтическую природу глагола **botati*). Таким образом, исследователь полагает, что первичным было значение 'бить, ударять' (**botati*), из которого развилось 'раздуваться, взбухать, полнеть' (**botěti*, **botvěti*), на базе которого впоследствии появилось значение 'гнить, разлагаться' [11, с. 194, 341–342]. Составители ЭССЯ высказывают сомнения в верности данного предположения [6, вып. 2, с. 225].

Следует указать, что звукоподражательный характер основы глаголов **batati*, **botati* не противоречит возможности установления генетических связей с индоевропейской лексикой. Так, Ю. Покорны относит праславянские **batъ*, **botati* к и.-е. **bhāt-* 'ударить, толкнуть' [10].

Р. Айцетмюллер оспаривает значение ‘бить, ударять’ для слов с корнем **bat-/*bot-* как исходное, считая первичным значение ‘расти, растение’. Г. А. Ильинский предлагает для субстантива **batъ* (бессуффиксальное производное от **batati*) этимологизацию из и.-е. **bheut-* ‘надуваться’ [6, вып. 1, с. 167]. Однако составители ЭССЯ полагают, что такие трактовки этимологических связей являются слишком широкими, т. к. субстантивы, восходящие к праформе **batъ*, имеют конкретные значения.

В русских говорах фиксируются субстантивы, в которых правомерно выделять глагольный корень *bat-*, семантика которого, как можно судить по значениям рефлексов, шире, чем значение интенсивного действия: *бат I* ‘лодка-долбленка, обычно с досками по бортам для устойчивости’, *батыл* ‘стебель растения, трава’, *батылка* ‘растение’ [16, с. 72, 76], *батан I* ‘дорожная колея’, ‘глубокое место в реке или ручье; омут’, ‘часть реки между изгибами, плес’, ‘прозвище толстого человека’ [8, вып. 2, с. 141, вып. 3 с. 140], *батан 3* ‘лук репчатый’ [8, вып. 2, с. 141].

Составители ЭССЯ в словарных статьях **bъty* (<**bheu-*) и *batъ* приводят в качестве рефлекса праславянского существительного в словенском языке один и тот же субстантив *bât* ‘дубина; жезл’, ‘(деревянный) молоток, колотушка’, ‘початок’ [6, вып. 1, с. 167, вып. 3, с. 141], семантическое поле которого включает как значение ‘бить, ударять’, так и ‘расти’ (‘початок’).

Таким образом, семантика производных и родственных для *ботва* имен существительных позволяет полагать, что корневая морфема объединяет в себе ряд значений: ‘растение’, ‘часть водного объекта (место на реке)’ и, по-видимому, являющиеся производными значения ‘блюдо’, ‘деревянный предмет’ (образованы путем метонимического переноса), значения, связанные с характеристикой человека (основаны на метафорическом переносе). Указанные значения объединяет сема жизненного начала, витальности, свойственная субстантивам типа склонения на **-y < *-ŭ* (сравн.: **zъly* > русск. диал. *золва, золовь* ‘золовка’, **plody* > русск. диал. *плодва* ‘зародыш, плод’, **cěly* > русск.-цслав. *цѣлы, цѣльвь* ‘излечение, исцеление’, **kuropъty* > русск. диал. *куропатва* ‘куропатка’, **bagy* > укр. диал. *багва* ‘мокрая заболоченная равнина’, русск. диал. *баговник* ‘кустарник или высокое травянистое растение, растущее преимущественно в сырых местах’, ‘растение кипрей’ и др.).

Наблюдения над языковым материалом приводят к мысли о том, что все рассмотренные слова, в морфемной структуре которых выделяется корень *bot-* (/ *bat-*) (**bъty, *botati, *botěti, *byti* и др.) генетически связаны. Так, исходным, надо полагать является значение ‘быть, становиться; расти’, с которым метонимически связано значение активного колебательного, вращательного или беспорядочного движения (рост предполагает движение вверх

(‘растение’) или в стороны (‘толстеть’). Смежность и взаимосвязь данных значений служит базой для образования широкого семантического поля однокоренных образований.

Отметим, что связь между представлениями об интенсивном повторяющемся действии и о росте, увеличении некоего объекта наблюдается в семантической структуре других производных от и.-е. **bheu-*: в частности, в словах с корнем *буј-*, таких как *буйный*, *буять* (и родственных им) [6, вып. 3, с. 83–85]. Так, в словаре В. И. Даля фиксируется ряд лексических значений глагола *буяти*, которые характеризуют интенсивные физические действия: ‘чинить буйство, бушевать, забиячить, поступать нагло, с насилием, самоуправничать’, (бранное) ‘шуметь, ругаться, драться’ [17] (сравн.: сербохорв. *бујати* ‘шуметь’, словц. *bùat* ‘кутить, распутничать, буянить’, польск. *bujać* ‘летать, носиться по воздуху’, ‘разгуливать, гулять на свободе’, ‘качаться, развеиваться’, ‘буйно расти’, ст.-укр. *буяти* ‘свободно и высоко летать’, ‘буйно проявляться’ [6, вып. 3, с. 83], укр. *буяти* ‘роскошно расти’, ‘буйствовать, бушевать, быть беспокойным’, ‘парить, реять; жить и двигаться свободно’, ‘проявляться в полную силу, расцветать’ [18, с. 119; 3]); русский глагол *буйнет* имеет значение ‘расти, подрастать’ [17]. Ряд субстантивов имеет локативное значение: *буй*, *буево*, *буйвище*, *буище*, *бувище* ‘возвышенное, открытое кругом место; пустырь на возвышении’ [17], укр. *буй* встречается в выражении *на буй* ‘на открытом месте, доступном ветрам’ [18, с. 108], бел. *буй* ‘высокое открытое место, подверженное бушеванию ветра’ [19, с. 37]. Прилагательное *буйный* ‘смелый, храбрый, дерзкий; могучий, одолевающий’ (сравн.: бел. *буй* ‘неуступчивый, буян’, ‘быстрый, острый’ [19, с. 37]) употребляется не только в сочетании с существительными, называющими людей (*буйная голова*, *буйный народ*, *буйтур*, *буйный мальи*), но и с наименованиями растений: *буйный лес* ‘крупный, рослый, здоровый’, *буйный хлеб* ‘на корню, роскошный, рослый, густой; о плодах, ягодах: крупный, ядреный, выросший в приволье, на просторах’ [17].

Выявлены существительные с предметным значением: *буя* ‘палка в аршин, которой бьют, мечут в игре рюхи’ (тверск.) [17], *буйна* ‘свая, бревно, коряга посреди русла, судоходного стержня’, ‘навес из парусины или рожи на лодке, судне для защиты от непогоды’ [8, вып. 2, с. 261].

Таким образом, слова, восходящие к праславянскому **bujь*, развивают значения беспорядочного или колебательного движения; сильного роста, процветания; предмета; места; лица. Надо полагать, данный пример может быть рассмотрен в качестве подтверждения высказанного выше предположения о родстве слов **bъty*, **botati*, **botěti*, корневая морфема которых восходит к индоевропейскому **bheu-* ‘быть, становиться; расти’.

На наш взгляд, в гнездо субстантивов с корнем *бот-* может быть включено и русское диалектное существительное, зафиксированное в нескольких фонетических вариантах, *ботян*, *ботьян*, *батын* ‘аист белый’, *бачан* ‘аист’ [8, вып. 3, с. 139] (сравн.: бел. диал. *бацян*, *буцян* ‘аист’ [20, с. 176], укр. диал. *боцян*, *боцюн* ‘аист’ [3], польск. *bocian* ‘аист’ [4], в.-луж. *baçon* ‘аист’, н.-луж. *bošon* ‘аист’, полаб. *büöt'an* ‘аист’ [7, с. 201]), которое восходит к праславянскому существительному **botъjanь*/**botěнь*. Рефлексы праславянского субстантива известны западно- и восточнославянским языкам. Составители ЭССЯ полагают, что центром распространения данного названия является лехитская территория, а другие славянские языки заимствовали данный субстантив [6, вып. 2, с. 226–227]. Однако Г. П. Клепикова считает, что распространение рефлексов праславянского **botъjanь* в лехитской группе, в восточнославянских языках и словацких диалектах объясняется особенностями ареала распространения птицы [21, с. 158].

В настоящее время нет общепринятой точки зрения по поводу происхождения субстантива **botъjanь*. Г. П. Клепикова полагает, что наиболее убедительной является точка зрения о звукоподражательной природе слова. А. Брюкнер и Г. А. Ильинский усматривают связь с русским *ботать* ‘топать’, *ботня* ‘крик’, *бот* ‘рыбачья жердь’, полагая, что исходным было значение или ‘тот, кто стучит клювом’, или ‘тот, кто мутит воду’, ‘тот, кто ступает по болоту’, или, наконец, ‘клекочущая птица’ [22, с. 33; 21, с. 154]. Согласно А. И. Соболевскому, слова **botъjanь* и *за-бот-а* однокоренные, поэтому название аиста сначала было шутивным, т.к. было дано птице из-за ее всегда серьезного, озабоченного вида [21, с. 155].

На наш взгляд, рассматриваемое наименование аиста отражает многогранность корневой морфемы **bot-* (*/*bъt-/*bat-*), которая объясняет ряд особенностей аиста. Так, звук, который издает аист, похож на динамичный стук, что связывает *ботян* с глаголом *ботать*. Птица вьет гнезда близ водоемов – рек, озер, болот (сравн.: значение ‘часть водного объекта’ субстантива *ботва*). Таким образом, небезосновательным представляется утверждение о генетическом родстве наименования птицы **botъjanь* и растения **bъty*, которые могут быть отнесены к этимологическому гнезду наряду с **botati*, **botěti*, вершиной которого является **bheu-* ‘быть, становиться; расти’.

Библиографические ссылки

1. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В. И. Чернышев. (гл. ред.) [и др.]. М., Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1950–1965. Т. 1. 1950.

2. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / рэд. кал.: І. Л. Капылоў [гал. рэд.]. Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016.
3. Словник української мови [Електронний ресурс]. URL: <http://sum.in.ua/> (дата звернення: 28.01.2021).
4. Słownik języka polskiego [Zasób elektroniczny] // Wydawnictwo Naukowe PWN. URL : <https://sjp.pwn.pl/> (data dostępu: 28.01.2021).
5. Słownik języka polskiego pod red. W. Doroszewskiego [Zasób elektroniczny] // Wydawnictwo Naukowe PWN. URL : <https://sjp.pwn.pl/> (data dostępu: 28.01.2021).
6. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1974–2014. Вып. 1. 1974; Вып. 2.1975.; Вып. 3. 1976.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Астрель : АСТ, 2009. Т. 1 : А–Д.
8. Словарь русских народных говоров / редкол.: Ф. П. Филин (гл. ред.) [и др.]. Л. : Наука, 1965–2013. Вып. 2. 1966.; Вып. 3. 1968.
9. Мейе А. Общеславянский язык / под общ. ред. С. Б. Бернштейна. М. : Издательская группа «Прогресс», 2001.
10. Indogermanisches etymologisches wörterbuch (by Pokorny, J.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm>. (дата обращения 30.01.2021).
11. Słownik prasłowiański / pod red.F. Sławskiego. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk : Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1974–2001. Т.1. 1974.
12. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд.кал.: Г. А. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.]. Мн. : Беларуская навука, 1978–2010. Т. 1 : А–Бячэйка.1978.
13. Етимологічний словник української мови : в 7 т. / редкол.: О. С. Мельничук (гол. ред.) [та ін.]. Київ : Видавництво «Наукова думка», 1982–2012. Т. 1: А–Г.1982.
14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Изд-во «Русский язык», 1999. Т. I. : А–Пантомима.
15. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999.
16. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2001–2018. Т. 1. 2001.
17. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. М. : Бука, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
18. Словарь украинского языка : в 4 т. / под ред. Б. Д. Гринченко. Киев, 1907–1909. Т. I. 1907.
19. Насовіч І. І. Слоўнік беларускай мовы. Мн. : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1983.
20. Слоўнік беларускіх гаворак Паўночна-Заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / склад. Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]. Мн. : Навука і тэхніка, 1979–1986. Т. 1. 1979.
21. Клепикова Г. П. Славянские названия птиц (аист, ласточка, ворон) // Вопросы славянского языкознания. 1961. № 5. С. 149–185.
22. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1985.